

ДВА ПИСЬМА О ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЕ

Только в 1992 году мне были присланы копии с двух писем, написанных мною из Казани, где я и моя семья находились осенью 1942 года в эвакуации, моему «содельцу» Валентине Галактионовне Морозовой-Келлер по делу

«Космической академии» и кружку И. М. Андреевского (об этом деле, по которому я получил 5 лет концлагеря на Соловках, а Валя Морозова, еще подросток, была отпущена на поруки отцу, см. в моей «Книге беспокойств». М., 1991. С. 89 и след.).

Письма написаны под свежим впечатлением от пережитого в блокаде.

Первое письмо 29.XII.42 года

Дорогая Валя! Опишу Вам, как мы жили это время. Летом 41 г. мы жили на даче в Вырицах. Я только что защитил диссертацию. У нас были деньги, и я предполагал хорошенько отдохнуть. Ездил раз в неделю в город, а остальное время проводил, купаясь в Оредежи. Дача у нас была отличная. Об объявлении войны я узнал на пляже на берегу Оредежи. Сразу защемило сердце. Поехал в город. В Институте тревога, предполагаемый отъезд в Томск, дежурства на крыше, потом окопы (отправки на их рытье.— Д. Л. Примеч. 1992 г.), добровольческие отряды. Мои еще жили на даче, когда немцы уже бомбили Сиверскую и расстреливали из пулеметов с воздуха дачные поезда. Все как-то не хотелось брать своих в тревожную атмосферу города, из которого эвакуировали детей отдельно от родителей, где стояли уже очереди за продуктами и т. д. Мы переехали с дачи в последний момент. В конце августа немцы перерезали все дороги на Л-д, взяли пригороды и подходили к Средней Рогатке (прорывались мотоциклисты с хлопушками на площадь в Автове, но, сделав круг, умчались.— Д. Л. Примеч. 1992 г.). Здесь остановили, но сразу стало ясно, что начинается осада. Мы вместе с другими делали отчаянные усилия, чтобы что-нибудь запасти. Нам удалось купить кг 10 картошки, кг 12 круп и макарон, 1 кг масла и засушить два больших мешка сухарей. В одной из аптек, проведя там целый вечер, я купил для детей 17 бут. рыбьего жира (по 100 грамм.—

Д. Л. Примеч. 1992 г.), а в другой — 10 витаминов с глюкозой (10 плиток размером с кусок мыла для рук каждая. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Вот с этими запасами началась наша зима. Я по-прежнему через день проводил ночь на крыше Института, дежуря, а все хозяйство лежало на Зине (моя жена. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). 9 ноября резко уменьшили выдачу хлеба. Хлеб стал черный, как (неразб.), и мокрый, как глина, от дуранды (жмыхи. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Начались бомбардировки. Мы ночевали в первом этаже в маленькой комнате (нам уступили свою комнату в нашем же доме; мы считали, что внизу безопаснее. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*), дети и Зина на чужой кровати, я на полу. Первое время было очень страшно. Бомбардировки бывали каждый вечер, они начинались ровно в одно и то же время. А днем немецкие разведчики чертили дымовые линии на небе, обозначая места будущих бомбардировок (ошибка ленинградцев, никогда не видевших, что на большой высоте самолет оставляет за собой белый след. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Жутко было ожидать вечера, если перед этим над нашим районом бывал поставлен крест. Однажды «немец» сбросил сразу 4 бомбы на трамвайный перекресток около Вас (Валя до отъезда в Москву жила недалеко от угла Зелениной и Гейслеровского. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Свистящие бомбы пролетали как раз над нашей крышей, а когда рвались, наш дом «танцевал», и дверцы шкафов раскрывались сами. Постепенно мы привыкли и не тратили больше сил на то, чтобы спускаться вниз, особенно после того, как несколько подвалов засыпало с людьми и залило водой из разбитых труб. Петю Обновленского под лестницей засыпало (неразб. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). К счастью, ступеньки упали так, что его только стиснуло и переломало ребра. Вскоре к бомбежкам присоединились обстрелы. Снаряды попали к папе на службу. Он тушил пожар (пожар охватил типографию бывшего Синода и Центральный архив на Английской набережной. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Почему-то очень часто попадали (снаряды. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*) в трамваи (на Невском), и бывало много жертв от стекол. Немцы стреляли в вечерние часы, когда улицы

бывали полны народом, возвращавшимся со службы. Стреляли по площадям («Труда»), мостам (Дворцовый), перекресткам (угол Введенской и Большого). Бывали случаи, когда снаряды попадали в очереди (их было много), в магазины, в прогуливающийся детский сад. Как на грех, мне постоянно надо было бывать вне дома (на дежурстве), обучаться маршировке или дожидаться в очереди в столовой. День и ночь в Институте бывало много народу. Люди спали в сапогах на диване Пушкина, на диване Аксакова, на котором когда-то сидел Гоголь, на диване Тургенева, на кровати, на которой умер А. Блок.

Город кишел слухами, пришлым народом из пригородов и... шпионами, которых ловили. Постепенно лихорадка спадала. Остановились трамваи, многие уже не могли ходить на работу, некоторые улетели на самолетах. Самым большим «начальством» у нас остался завхоз. С голоду он нервничал, кричал на сотрудников, сокращал штаты. Остаться без работы, без карточки было бы ужасно, но никто не мог его утихомирить. Так прошел ноябрь. Нас выручали сухари. Но в декабре и мы почувствовали голод. На службе невыносимый холод. Замерз водопровод, не действовали уборные. Я не смог уже больше ходить. Взял бюллетень (освобождение по болезни.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Его выдавали не глядя, не осматривая — всем подряд.

Потухло электричество. Не стало керосина. Хорошо, что у нас был запас дров и «буржуйка» (железная печка.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Мы распределили наши остатки. Ели 4 раза в день «суп» — почти воду. Ложились спать в 6 часов вечера, лежали до 9—10 часов утра. Зина с вечера другой раз становилась в очередь. Днем часа 2 тоже стояла в очереди за хлебом. Зина ездила (везла санки) на Неву к Крестовскому острову за водой вместе с Тamarой (наша помощница по хозяйству.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*). Пробовали топить снег, но вся улица перед нашим домом была залита нечистотами. Раз на шатающихся ногах к нам зашел Федя (Розенберг, мой друг и одноделец по Соловкам.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*), раз Каллистов (профессор.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*), ища кошек или собак. Заходил дядя Вася (В.М. Лихачев.— *Д. Л. Примеч. 1992 г.*),

чтобы съесть тарелку супа. Вид его был ужасен. Заходил Комарович (виднейший специалист по Достоевскому. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*) в надежде, что мы угостим его сухарями. Но беда ждет нас еще впереди.

Второе письмо

Дорогая Валя! Это письмо — продолжение.

Итак, самый тяжелый месяц был январь. Не помню, были ли в январе обстрелы или бомбежки: нам было не до того. Никто не обращал на это никакого внимания. Никто не сходил в бомбоубежище, которое превратили в морг. Один за другим умирали наши знакомые и родные. Тяжело умирал Зинин отец. Он умер один. Зина его навещала, меняла на улице его вещи, выкупала ему продукты. Но было поздно: ему уже не хотелось есть. А когда проходит желание есть — это конец. Он умер, имея хлеб в буфете.

На рынке мы меняли усиленно вещи: самовар за 100 грамм дуранды, несколько платьев за 200 грамм гороха и т. д. Мы не жалели ничего и этим остались живы.

В январе уехал Юра (мой брат. — *Д. Л. Примеч. 1992 г.*); стал хворать сердцем мой отец, но мы не могли найти врача. Наконец, пригласили жившего неподалеку детского врача за 200 грамм гороха. Он осмотрел, но лекарств мы не достали: аптеки не работали. Я уже ходил с палкой, волоча ноги. На лестнице у нас лежал труп, перед домом — другой. Ночами мы не спали от дистрофии. Все тело ныло, зудело: это организм съедал свои нервы. В комнате в темноте ночью металась мышь: она не находила крошек и умирала с голода. Я ходил в диет. столовую, в которой раз встретил Вашего отца. Там я производил «операцию»: уступал талончик на обед за крупяной талон и этот крупяной талон использовал для обеда на следующий день. Так нам удавалось иногда иметь суп, не затрачивая карточки. Эти часы в столовой были ужасны. Окна были выбиты и заделаны фанерой. В тесноте люди ели, вырывали друг у друга хлеб, карточки, талоны. Раз я тащил в столовую какого-то

умирающего по лестнице и очень ослаб после этого. Вообще, стоило сделать лишнее физическое усилие, и заметно слабел; стоило же съесть кусок хлеба, как заметно прибавлялось сил. Было трудно надеть пальто, особенно застегнуть пуговицы: не слушались пальцы — они были «деревянными» и «чужими». Ночью немела и отнималась та сторона тела, на которой спал.

В феврале снабжение несколько улучшилось, забил кое-где на мостовых водопровод. Зина с Тamarой ездили за водой уже не на Неву, а на Пушкинскую улицу. Дети выходили гулять минут на 10 по черному ходу, а не по парадной, где лежали мертвые. Они вели себя героями. Мы ввели порядок: не говорить о еде, и они слушались! За столом они никогда не просили есть, не капризничали, стали до жути взрослыми, малоподвижными, серьезными, жалась у «буржуйки», грея ручки (нас всех пронизывал какой-то внутренний холод).

Зима казалась невероятно длинной. Мы загадывали на каждую будущую неделю: проживем или нет! 1 марта в страшных мучениях умер мой отец. Мы не могли его хоронить: завезли его на детских саночках до морга в саду Народного дома и оставили среди трупов. Воспоминание об этой поездке и об этом морге до сих пор разъедает мой мозг. В конце месяца я заходил в Институт за карточками. Денег я уже там не получал, так как бухгалтерии не стало (умерли). Здание было до жути пусто, только у титана, греясь, умирал старик швейцар. Многие потом умирали без вести, уйдя из Института и не придя домой. Однажды и я свалился на улице и едва добрал до дому.

В марте я слег в «стационар для дистрофиков» в Доме ученых. Там давали немного больше еды, но это только увеличивало желание есть. Месяц, который я там провел, я не переставал (день и ночь) думать о еде. Мы спали там не раздеваясь и ели в столовой при температуре -5° . За окном на Неве уже были видны разрывы новых, весенних обстрелов. Таял лед. Оставшиеся в живых ленинградцы начали расчищать улицы, убирая нечистоты, а руки еще не могли держать лопаты. Стали выдавать больше мяса.

В апреле пошел № 12 трамвая, семерка, тройка, а затем и № 36.

Открылись бани. Тут я увидел себя в первый раз и ужаснулся, как и Ваш батюшка, увидев меня.

В мае я уже писал статьи, ходил по столовым, «отovarивая» этим способом карточки, хотя основное делала Зина. Дети немного отошли. Тамара с окопных работ приносила нам лебеду, листья одуванчиков, крапиву.

Так мы прожили зиму, но описать всего нельзя.

Привет Вашим.

Д. Л.